

Целую неделю я вела экскурсии самостоятельно, и ни разу не видела за эти дни Льва Семеновича. К субботе во мне укоренилось беспокойство — у меня оставалась всего неделя, чтобы выяснить причину его странного отношения ко мне. Я переживала, что не найду причины для разговора, тайно надеялась на его инициативу, но он, будто нарочно, избегал меня. Но видимо то, что должно случиться, обязательно происходит, даже если и позже, чем хотелось бы. Мы встретились в воскресенье, в одном из многочисленных кафе, куда я забрела, гонимая голодом после длительной прогулки по торговому центру. Уже на выходе столкнулись с ним в дверях. Он тоже уходил, в руках у него было несколько пакетов — должно быть, покупки из того же торгового центра.

— Сонечка, не ожидал вас здесь увидеть. — Проговорил он, помогая мне выйти, одной рукой придерживая тяжелую стеклянную дверь.

— Так уж получается, что мы с вами постоянно сталкиваемся. — Я улыбнулась и слегка прищурила глаза.

— Ваша практика еще не окончилась?

Я отрицательно мотнула головой и уточнила:

— Еще неделя. Последняя. — На этом слове сделала многозначительное ударение, будто подчеркивая важность этой недели, как если бы она несла в себе единственный шанс для возможности все прояснить между нами.

— Вы не против прогулки? — Не дожидаясь ответа, Лев Семенович подставил мне свой правый локоть, и я, недолго думая, уцепилась за него.

Еще бы я была против! Я уже лихорадочно выискивала причины, чтобы продлить эту нечаянную встречу, а тут он сам дал повод. Как я могла отказаться?

Мы шли по центральным широким улицам, и он, словно опытный гид, рассказывал мне об истории зданий, возвышающихся по краям тротуаров, о судьбе знаменитых ученых или писателей, бывавших в этом городе, в этих местах. Я слушала его с широко раскрытыми глазами, он увлекательно и очень живо рассказывал. Так мучавший меня вопрос озвучить пока не решалась: все ждала идеального момента, но тот как-то не наступал. Мы вели интересную, но отвлеченную беседу, и перевести разговор в иное русло мне казалось неприличным. Возле старого четырехэтажного дома с квадратными арками Лев Семенович остановился.

— Как вы находите этот дом, Соня?

— Превосходно. Мне нравятся старые дома, у них есть своя история. Наверное, они были свидетелями многих событий.

— Если бы вы знали, насколько вы правы. В этом доме бывали те, о ком многое можно рассказать и есть что вспомнить. И я наделен высокой честью жить в этом доме.

Я могла только восхищенно вздохнуть и с благоговением окинуть взглядом этот прекрасный, величественный дом с высокими окнами. У нас в городе тоже были такие дома, правда, их было совсем немного, и жила там разная партийная элита, крупные начальники различных управлений, ну а теперь их наследники, или те, у кого были деньги. Я в таких домах еще не бывала.

— Соня, ни в коем разе не истолковывайте мои слова в неверном смысле, но вы не хотите

посетить мою квартиру? Я вижу в вас глубокий и истинный интерес к искусству, имеющему свою историю. Вам будет интересно увидеть мои коллекции.

— Вы приглашаете меня домой? — уточнила я.

— Совершенно верно. — Он замолчал, в выжидании уставившись на меня. Я не сомневалась в своем решении, но было бы не совсем правильно сиюсекундно согласиться, и поэтому я дала согласие лишь спустя полминуты, изображая на лице подлинную растерянность и сомнения.

Впечатление произвел даже сам подъезд. Высокие стены, тщательно отштукатуренные, кованые старинные перила, на стенах репродукции и кашпо с ветвистой березкой. Таких подъездов, наверное, один на миллион. Ухоженный, чистый и уютный. На площадке третьего этажа была всего одна дверь. На темном дубовом полотне золотом поблескивали две цифры — тридцать семь. Именно возле этой двери и остановился Лев Семенович, доставая из барсетки увесистую связку ключей.

— Сколько дверей можно было бы открыть! — пошутила я.

— Я ношу на этой связке все ключи от музея и от собственного дома. — Пояснив это, он выбрал из всех один длинный ключ и вставил его в замочную скважину, прикрытую золотистым язычком. Наконец, дверь распахнулась, и он жестом пропустил меня: — Прощу.

В этот момент я позабыла о том волнении, что охватывало меня в присутствии Льва Семеновича. Я была поглощена его великолепным и роскошным домом. Здесь всюду пахло богатством и антикварным наследием, во всей обстановке — а квартира, надо сказать, отличалась немалым количеством комнат и внушительным метражом — не было ни одной современной вещи, вся мебель, казалось, попала сюда прямо из усадьбы девятнадцатого века. Впрочем, я почти угадала — позже мой немолодой друг рассказал, что провел на аукционах уйму времени и оставил там немало денег, обставляя этот дом. Но многое досталось ему по наследству от его родителей. Я постеснялась уточнять, но и так было понятно, что семья была обеспеченной. Наверняка его родители не были рабочими с фабрики.

Каждая новая комната, открывающаяся моему взору, поражала идеальной гармонией, интересным, старомодным, но таким милым моему сердцу интерьером. Особенно мне понравилась одна из них — по-видимому, это был кабинет. Массивный стол из красного дерева с резными, витиевато закругленными ножками, стоял рядом с окном. На его темно-бордовой поверхности стоял письменный набор из какого-то темного камня, железная печатная машинка и старинный телефон с круглым диском и красивой, утонченной трубкой, которая покачивалась на высоких стальных рычагах. Одна стена была сверху донизу забита книгами — по-видимому, стеллажи для них изготавливались на заказ. О, чего тут только не было! Тут и античная литература, и классика, и поэзия всех времен и культур. Настоящее сокровище. И все книги в старых, но крепких переплетах, с глубоким золотистым теснением. «Делали в мастерской» — подумала я.

У противоположной стены уютно расположились два небольших дивана, обитых красным бархатом. Гибкость изгибов этой мебели делала ее похожей на мягкие алые волны, манящие прикорнуть на их гребне с какой-нибудь из этих потрясающих и ценных в своем значении книг. Стены были обиты настоящим деревом, а паркет слегка поскрипывал, что вполне дополняло общий старинный антураж комнаты. На стене, возле которой стояли диваны, висела просто великолепная копия Сандро Боттичелли «Рождения Венеры». Судя по всему, ее возраст был немногим меньше оригинала. Одна из моих любимейших картин! В восторженном восхищении я обернулась и увидела на пороге кабинета его хозяина. Он стоял,

оперевшись рукой на косяк, и, по-видимому, ждал от меня какой-либо реакции.

— Я потрясена. Это великолепно. — Лев Семенович улыбнулся гордой улыбкой и прошел в кабинет, вальяжно опираясь на свою резную трость.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Я покажу вам нечто удивительное. Вам, Соня, должно понравиться. — С этими словами он ключом открыл стеклянную створку шкафа с какими-то папками и вытащил одну из них. Присев рядом со мной на диван, раскрыл папку и показал мне. Это были старые, выцветшие и пожелтевшие от времени фотографии, на которых были изображены артисты балета, умершие, наверное, почти сто лет назад. Я не могла узнать почти никого из них, только на одной карточке я увидела знакомое мне лицо. Это был Вацлав Нижинский, запечатленный в танце. Трепетно дотронувшись до фотографии великого танцора, я подняла глаза на Льва Семеновича:

— Это «Жизель»?

— Вы правы, Сонечка, вы правы. Я знал, что вам понравится. Я собирал эти и другие фотографии всю жизнь, отдал поиску этих снимков кучу времени и денег. В этой папке у меня все о балете, если вы пролистаете дальше, то увидите не только артистов, но и замечательные кадры постановок.

— В этой папке все о балете, а что в остальных? — я была восхищена его подборкой, этих кадров я никогда раньше не видела, хотя мне доводилось видеть многие подобные работы во время учебы. Это были действительно редкие работы, потому и такие ценные. Как же здорово было держать это богатство в своих руках!

— Опера, театр, многие известные личности, царская семья. Есть отдельная папка, посвященная исключительно жизни и творчеству Шаляпина. Должен признаться, он мой кумир. Но есть и просто редкие старые снимки с изображениями неизвестных людей, о жизненном пути которых память давно рассеяна. Не хотите ли взглянуть? — говоря все это, он будто помолодел. Глаза приобрели небесный оттенок, чистый и ясный. Морщины на лбу разгладились, и все его лицо сияло.

— Фантастическая коллекция. — Проговорила я.

— Вы читали Стефана Цвейга?

— Он мне нравится. Но сравнивать вашу коллекцию с новеллой Цвейга я бы не стала. Ваша — настоящая.

— Соня... Спасибо вам. — Вдруг произнес Лев Семенович.

— Спасибо? За что? — не поняла я.

— Вы понимаете. — Сказав это, он как-то странно посмотрел мне в глаза, от чего я почувствовала, что по моей спине побежали мурашки. Повисла пауза, тишина начала давить, и тогда он, как ни в чем ни бывало, улыбнулся и спросил, указывая жестом на застекленную стойку, от пола до потолка заполненную папками: — Какой альбом вам показать? Что бы вы хотели увидеть?

— А у вас есть альбом с историей вашей семьи? — Мне было невыносимо интересно, каким он был в молодости, как выглядели его родители и другие родственники.

— Конечно, вы и в самом деле хотите взглянуть?

— О, если можно, конечно. Я не настаиваю... — Я немного смутилась, но он уже поднялся с дивана и двинулся в коридор. Вернувшись через пять минут, Лев Семенович держал в руках тяжелый и большой фотоальбом в кожаном переплете. От старости кожа кое-где выцвела и потерлась, но это придавало альбому какой-то таинственной значимости.

— Здесь самые последние снимки, после пятидесятого года. Можно сказать, что этот альбом почти полностью заполнен моими снимками, но тут есть и другие, давайте-ка посмотрим. — Кряхнув, он тяжело опустился на диван рядом со мной и раскрыл толстый альбом. От его зеленоватых картонных страниц исходил какой-то неясный запах. Наверное, так пахнут очень старые вещи. На первой странице была помещена по центру большая овальная фотография какой-то женщины в полупрофиль.

— Это моя мама, Лариса Валерьевна, она была оперной певицей. Когда родилась моя сестра, она приняла решение оставить сцену и целиком посвятила себя нашему с Ниной воспитанию. Какой замечательной женщиной она была! Жаль, что она так рано оставила нас и отца, я тогда очень горевал по ней.

— Это случилось давно? — осторожно поинтересовалась я.

— Мне тогда едва исполнилось двенадцать, но я очень хорошо ее помню. А вот это мой отец — Лев Семенович перевернул страницу, и я увидела мужчину, очень похожего на него самого. — Семен Андреевич, профессор исторических наук. Мы с ним очень похожи, он, как и я, всю жизнь посвятил проникновению в то, что давным-давно утрачено. А это моя сестра, Нина... — Он показывал мне всех членов своей семьи, рассказывая об их жизни и о том, что все они давно умерли. Из его рассказа я поняла, что он, видимо, очень одинок. Черно-белые снимки все мелькали и мелькали, но интересовал меня лишь он сам, я хотела увидеть его молодым. Наконец, кашлянув, он показал мне карточку, на которой был изображен молодой темноволосый парень лет двадцати пяти. Невероятно красивое лицо, смелый открытый взгляд, полный уверенности. А волосы, так же как и сейчас, густой гривой зачесаны назад. На этом снимке был мужчина, похожий на льва. Встретив такого мужчину сейчас, я бы, несомненно, влюбилась.

— А вот это я. Тридцать пять лет назад, конечно, но еще вполне узнаваем. — Я оторвалась от фотографии и перевела взгляд на Льва Семеновича. Что с людьми делает время! Как неумолимо и безжалостно стирает оно с женских лиц нежность и красоту, а с мужских силу и страсть. Под маской усталых морщин все еще можно распознать ту уверенную силу, что сквозит на снимке юноши, которым когда-то был он, теперь уже пожилой и седовласый господин.

— Да, теперь уже не тот бойкий парень, как тогда. — Верно истолковав мой взгляд, он тихо засмеялся. В альбоме еще оставались страницы, но он захлопнул его и предложил выпить чаю. Я, конечно, согласилась.

На кухне было потрясающе просторно — вероятно, две комнаты объединили в одну, и теперь здесь столовая и кухонная зона. Лев Семенович начал было доставать приборы, но я остановила его:

— Хотите, я сама приготовлю?

— Я совершенно не имею ничего против, но я пью исключительно натуральный чай, который сам завариваю, предварительно составив букет. И потом, вы же моя гостя, так что присядьте и позвольте мне угостить вас замечательным напитком. Кстати говоря, этому рецепту меня научил один китаец. — Он раскрыл створки одного из деревянных шкафчиков, висящих на уровне его головы, и я увидела множество стеклянных круглых банок, наполненных разными сортами чая, сушеными фруктами и цветами. Все баночки были подписаны.

— Как здорово! Вы тоже любите натуральный зеленый чай? Я когда-то проходила обучение на чайного мастера, ну так, из интереса, для себя. Но с тех пор не признаю ничего, кроме

натурального зеленого чая, собственноручно заваренного.

— В самом деле? — он развернулся и поднял бровь. — Ну, тогда я доверюсь вам, пожалуй. Заварите мне с жасмином, Соня.

Пока чайник на плите закипал и я, шурша сухими чайными листьями складывала их в глиняный заварной чайник, Лев Семенович поведал мне увлекательную историю о своем путешествии в Китай, где и пристрастился к зеленому и белому чаю. Наконец, чай был готов, и я не без удовольствия вдохнула его освежающий аромат, в котором тонкой нежной ноткой сладко отдавал жасмин.

— Ммм, очень, очень недурно. — Оценил мои умения Лев Семенович, отпивая из голубой фарфоровой пиалы.

— Я рада, что вам понравилось. — Ответила я. — Можно, я задам вам вопрос?

— Задавайте. — Он кивнул в знак согласия.

— Почему вы захлопнули альбом, не досмотрев его до конца? — я напряженно ждала ответа. Не перегнула ли я палку? Но он вполне добродушно ответил:

— Там дальше много снимков моей первой жены. Мне незачем пересматривать ее фото, я слишком хорошо ее помню.

— Вы сказали — первой жены... — Странное, неприятное чувство кольнуло меня. Неужели это ревность? Как глупо и смешно... Но мне стало очень неприятно после его слов о жене.

— Я был женат дважды. — Не догадываясь о моих мыслях, ответил он. — Тогда, в театре, вы видели меня с дочерью от первой жены. Со второй супругой у нас не было детей.

— А где сейчас ваша вторая супруга? — поинтересовалась я.

— По всей видимости, нянчит внуков где-нибудь в Германии. Если конечно они у нее есть. Она немка, и давно эмигрировала. Оба моих брака распались больше двадцати лет назад, и длились совсем недолго.

— Извините, я не хотела спрашивать лишнего, мне просто было интересно знать о том, как и с кем вы живете. — Я катала чайную ложечку по деревянной поверхности стола, смущенно опустив глаза. Вместе с тем, некое облегчение прокатилось волной во мне: больше двадцати лет назад — это давно!

— Не стоит извиняться. Мне, напротив, даже льстит столь пристальное внимание такой прекрасной особы, как вы. — Он засмеялся и встал из-за стола. — Идемте в гостиную.

Я проследовала за ним и оказалась в светлой комнате, заставленной утонченной светлой мебелью с темно-голубой обивкой. Тут стояло пианино, и я, кажется, начала понимать, зачем меня пригласили сюда. Мои догадки оправдались, когда Лев Семенович начал разговор:

— На прошлой неделе вы поразили меня своим музыкальным талантом. Я наслаждался вашей игрой, любовался вами, вашим единением с потоком звуков, что лились из-под ваших пальцев, сливаясь в чистую гармонию. Могу ли я просить вас усладить мой слух снова? Соня, сыграйте для меня. Я был бы весьма рад вновь услышать вашу игру.

Я согласилась, естественно задумалась — что же сыграть. Сегодня такой удивительный и необычный день, в квартире Льва Семеновича время будто остановилось, я забыла о суетных мыслях, посвященных делам и планам. В этом месте я словно освободилась от груза повседневности, тяготившего меня своей примитивностью день ото дня. Я всегда мечтала изобрести некий способ бегства от реальности, бешеным ритмом стучавшей в висках и тошнотворным комом подкатывающей к горлу каждое утро. И вот теперь я, кажется, его нашла. В этом месте, с этим человеком я словно стала сама собой, отбросив все внешнее,

поверхностное, что неминуемо засасывает каждого из нас в свое ежедневное болото. Пальцы сами собой заиграли мелодию, я даже не сразу узнала ее. Шопен, опус семьдесят, вальс номер три, ре бемоль... Словно по легким волнам, я уносилась все дальше и дальше от реальности, представляя себе прекрасные пейзажи и юных древнегреческих нимф, порхающих по прекрасному саду, где благоухали сладким ароматом волшебные цветы. Окончив игру, я почувствовала на себе пристальный взгляд, и обернулась. Лев Семенович цепко впился взглядом в мои руки и напряженно покачивал ногой, словно нервничал.

— Вам понравилось? — спросила я. Вопросом я будто вырвала его из напряженного оцепенения, которое он стянул с себя кивком, услышав мой голос.

— Великолепно, Сонечка. Этим наслаждением я готов упиваться вечно.

Я глянула в окно. Бог мой, да уже стемнело! Время пролетело, словно дуновение ветерка, я и подумать не могла, что нахожусь здесь так долго. А ведь я понятия не имела, как мне добраться до гостиницы.

— Жаль, что не могу больше остаться и сыграть для вас еще. Уже совсем темно, и мне, по-видимому, предстоит долгая дорога до гостиницы.

Я обеспокоенно встала и направилась в коридор, где оставила свои пальто и сумочку.

— Да, действительно, очень жаль. Вечер был просто прекрасен. — Он помог надеть мне пальто и спросил:

— Соня, вам нравятся орхидеи?

Я улыбнулась и обратила взгляд на него:

— Очень, а особенно — белые.

В его взгляде зажегся таинственный огонек, истолковать который я могла, только если бы имела возможность прочесть его мысли. Ах, как бы мне этого хотелось! Проведя в его квартире за беседами целый вечер, я так и не узнала причины его столь странного поведения.

— Значит, я угадал.

— Да, как и в позапрошлом году. — Посмотрим, как он отреагирует на дерзость. Вздыхнув, Лев Семенович развел руками:

— Вынужден признать, это действительно был я. Вас, юная лиса, не проведешь.

Я не решилась спрашивать о причинах того поступка. Записка, что прилагалась к цветам, все объясняла. Медленно поправив шарф и пригладив волосы, я уже развернулась к двери, и тут он окликнул меня:

— Соня, вы придете завтра вечером? Мне невыносимо приятно ваше общество и я, с вашего позволения, хотел бы вновь насладиться вашей чудесной игрой на фортепиано.

Что я ему ответила? А как вы думаете?

Следующим вечером я поднималась по ступеням того самого уютного подъезда на третий этаж в квартиру тридцать семь, где проживал Лев Семенович.

Этот вечер прошел так же, как предыдущий, с той только разницей что я играла на пианино больше часа. Лев Семенович был доволен, и под впечатлением пустился в рассуждения о поэзии серебряного века. Я выступала в роли слушателя и была, вобщем-то, непротив этой роли. Вот уже второй день подряд мне было как никогда спокойно и комфортно. Его плавная, размеренная речь обволакивала меня своим бархатным потоком, мягко лаская слух. Он говорил, говорил, и я даже не вникала в смысл сказанного, мне просто нравилось звучание его голоса.

— Вы любите поэзию, Соня? — обратился он ко мне.

— Больше прозу, но иногда, под настроение, люблю. Я даже сама пробовала писать раньше. Несколько моих стихов были включены в сборник университета, где печатались рассказы и стихи студентов.

— Мне бы очень хотелось познакомиться с вашими стихами. Не могли бы вы порадовать меня? — тон, не принимающий возражений. Я подчинилась и прочла один отрывок, который написала лет пять назад, кажется.

Все в мире бrenно, оглянись — ничто не будет вечно.

И глаз твоих небесных высь не навсегда беспечна.

С годами лен твоих волос поблекнет, огрубеет.

И юность нежную года безжалостно развеют.

— Удивительно, очень удивительно. — Задумчиво произнес он. — Вы так молоды, и пишете такие стихи.

— Что же в этом удивительного? — спросила я. — По-моему, это совершенно любительские, наивные стихи.

— Да ведь дело не в самом стихотворении — Бог с ним, не Цветаева, — а в том, что вы вообще задумываетесь над такими вещами. Вы, Соня, очень отличаетесь от своих сверстников. Вы одна из немногих, кто умеет ценить настоящее, подлинное, избегая низменного и пустого. Нынешнее поколение слепое, и неспособно отличить дурное от хорошего, значимое от мелочного. Мне становится невыразимо грустно, когда я вижу женщин вашего возраста: женщин, которые, не зная достоинства, навязываются молодым людям, недостойно себя ведут и ругаются матом. Говорят, времена всегда одинаковые — чушь. Во времена моей молодости это было непозволительно и совершенно недопустимо. Были всякие люди, но, по крайней мере, пороки не превозносили, и уж тем более не демонстрировали, и не навязывали их как некую норму. Все низменное было скрыто, этого стеснялись, это осуждалось.

— Мне не менее отвратительно нынешнее общество. — Призналась я. — Иногда я жалею, что не родилась раньше. Мне некомфортно в современном мире, я чувствую себя не в своей тарелке. Но что поделать, приходится приспособливаться к тому, что имеешь. Другого все равно не дано. В конце концов, в нашем времени тоже есть свои плюсы. Просто во все времена нужно сохранять собственное достоинство и нести максимальную ответственность за свое поведение. Я ведь не стала такой, как те женщины, что вы описали.

— Я нисколько в этом не сомневаюсь. — Он откашлялся и отошел к окну. — Я не писал стихов, как вы, но я хочу прочесть вам одно стихотворение. Я постараюсь донести до вас то, о чем вы, возможно, и так догадываетесь. Вы готовы выслушать?

— Готова. — Затаив дыхание, я ждала ключевого момента. Я чувствовала, что сейчас произойдет нечто важное, что в корне изменит все происходящее. Мне хотелось внести ясность в наше странное и необозначенное толком общение. Вжавшись в кресло, я обратилась в слух.

— О, как на склоне наших лет

Нежней мы любим и суеверней...

Сияй, сияй прощальный свет

Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,

Лишь там, на западе, бродит сиянье, —

Помедли, помедли, вечерний день,

Продлись, продлись очарованье.
Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь.
Ты и блаженство и безнадежность.

— Кажется, это Тютчев? — рассеянно спросила я. Конечно же, я знала, что это Тютчев, как знала и то, что эти стихи он написал о своей любви к молодой женщине, своей последней жене. Но я хотела, чтобы Лев Семенович сам мне об этом рассказал.

— Он самый. Кстати говоря, это стихотворение из его любовной лирики так называемого «денисьевского» цикла. Знаете, почему так называется? — он до сих пор стоял лицом к окну, видимо, не решаясь повернуться.

— Не уверена, что знаю. — Соврала я. Пусть расскажет. Пусть говорит, объясняет, просвещает меня.

— Его последнюю жену звали Елена Денисьева. Поэтому и цикл — «денисьевский». Интересный факт, но она была значительно его моложе.

Наконец, он повернулся, и я увидела его лицо. Солнце уже почти село, и в сумерках, стоя спиной к окну, он словно оказался человеком без возраста. Виден был лишь его силуэт и слегка обозначенные черты лица. Но мне не нужно было видеть его четко, чтобы почувствовать, как волнительное смущение овладело им после столь завуалированного, но все же весьма ясного признания.

— Любви все возрасты покорны. — Брякнула я. Хоть и ожидала чего-то подобного, но все-таки растерялась. Я была бы рада полностью передать ему инициативу в разговоре, так как сказать мне сейчас было нечего.

— Возможно, вы правы, Сонечка. Но все же вы не можете отрицать тот факт, что если бы я был хотя бы на двадцать лет моложе, чем сейчас, то вы не были бы так смущены и растеряны после моих слов. — В голосе его чувствовались горькие нотки досады и печали.

— Вы ведь сами говорили, что я не похожа на других. — Издалека начала я. — Для меня все несколько иначе, чем у большинства. Я все искала, искала нечто, что могла бы без притворства назвать своим, но никак не могла найти. В позапрошлом году, в театре, когда я стояла на лестничной площадке и провожала вас взглядом, я впервые в жизни горько пожалела о том, что теряю кого-то. А последние два вечера рассеяли последние сомнения в моей душе. Мне хорошо с вами, в вашем обществе я чувствую себя самой собой. Другими словами, я чувствую, что мы очень подходим друг другу. А все остальное для меня не важно. Пауза, повисшая между нами, накаляла нервы. Наконец, он тяжелой поступью подошел ко мне, и опустил свою большую ладонь на мое плечо. Шумно выдохнув, он низким голосом проговорил:

— Я знал, что меня еще ожидает удивительное чувство, которые люди привыкли обзывать любовью. Я жил в ожидании этого, и вот это случилось со мной.

Я подняла свою руку и накрыла ладонью его пальцы. Слова были не нужны. Что бы я ни сказала сейчас — все было ничтожно в сравнении с бурным потоком эмоций, клубящимся внутри. Все происходящее было необычно и ново для меня, я не могла четко классифицировать свои чувства и ощущения, потому предпочитала просто молча сидеть и негласно соглашаться со всем, что он мог бы мне предложить.

Конечно, за двадцать два года я встречалась не с одним мужчиной, но глубокого следа в моей

душе никто из них не оставил. По иронии судьбы я впервые ощутила трепетное волнение сердца именно тогда, когда меньше всего этого ожидала, и виновником этого стал Лев Семенович — шестидесятилетний директор музея, где я проходила учебную практику. Все во мне билось в противоречии: я прекрасно понимала, насколько странным покажется это чувство окружающим, ну а с другой стороны — не все ли мне равно, если я впервые могу обрести истинное счастье? Голос Льва вырвал меня из этих раздумий.

— Что же ты молчишь, Соня? Видимо, ты жалеешь о том, что сказано.

— Я не жалею ни о чем, нет. — Я отрицательно замотала головой. — Просто не знаю, что сейчас следует говорить. Мне слова не нужны. Я все чувствую и без них.

Мне хотелось разрушить незримую стену, возведенную между нами разницей в возрасте, опасениями и предрассудками. В это мгновение я до ужаса хотела, чтобы он обнял меня, и я смогла почувствовать себя защищенной маленькой девочкой.

— Не надо слов, они лишь суета... — процитировал он строчку Введенского, и сел со мной рядом. — Через неделю твоя практика окончится, ты сядешь в поезд и уедешь домой. Через месяц, а может, и раньше, ты забудешь об этом вечере и о тех словах, что мы сказали друг другу. У такой прекрасной девушки, как ты, несомненно, появится ухажер, молодой и интересный. И тогда ты забудешь обо мне. — Печально подытожил он.

— Не забуду. — Я знала, что не забуду. Мне бы хотелось плюнуть на все и остаться здесь, избегая долгого расставания. Но умом понимала, что это невозможно. И тогда ко мне пришла идея: — Я буду приезжать каждую неделю, каждый раз, как только смогу. Ехать-то всего восемь часов!

Он не ответил, только улыбнулся, но отчего-то улыбка его была печальной. Мне даже стало обидно, что он сомневается в серьезности моих намерений. Не знаю, что подвигло меня, только я вдруг повернулась и поцеловала его в щеку. Все замерло во мне от волнения — это произошло так спонтанно, неосознанно, и я боялась, что сделала ошибку, все испортила своей несдержанностью, порывистостью. Но, может быть, случайно я угадала его желание, предвосхитила ожидания, потому что Лев притянул меня к себе ближе своими большими, сильными руками, и поцеловал в ответ. Его губы коснулись моего лба, а затем проскользили вниз, по щекам. И ничего не нужно было больше говорить... Наши губы, вскоре встретившись, все сказали без слов.

Последняя неделя практики летела неумолимо быстро и стремительно приближалась к концу. Я почти ничего не делала, только мелькала периодически на глазах Анны Александровны, чтобы она не забывала обо мне. Она хорошо ко мне относилась и заранее предупредила, что поставит мне «отлично» за прохождение практики. Наконец, роковая суббота наступила. Последний день в этом городе, последний день столь необычного и странного общения со Львом. Он провожал меня на вокзал. Как сейчас помню этот миг — поезд уже подошел на перрон, а он стоял напротив, держа меня за руки, и молча смотрел в глаза. Безмолвно, взглядом, он молил меня не разбивать его сердца, полного надежд и сомнений. Проводница поторопила меня, и я нехотя подала ей паспорт с билетом.

Поднявшись на подножку вагона, я обернулась и крикнула:

— Я вернусь!

Он улыбнулся и взмахнул рукой.

— Проходите в купе. — Раздраженно сказала проводница и принялась поднимать подножку.

Поезд тронулся. Я до последнего выглядывала в мутно-желтое окно, пока его фигура не стала

крошечной и не растворилась в сотне других таких же фигур на перроне.
Он уже не мог услышать меня, но я еще раз сказала, наверное, самой себе:
— Я вернусь!